

Натужно раскашлявшись, старейшина Пэй протянул иссушенную, похожую на древесную кору руку к стакану и сделал глоток воды.

В молодости старейшина Пэй слыл писанным красавцем — высоким, статным. И пускай теперь он полностью поседел и медленно угасал от смертельной болезни, в его облике всё ещё угадывалось бывшее величие. Вот только прежнее благородство давно сменилось спесью, сделав его надменным и безжалостным.

— Более глупых людей я в своей жизни не встречал, — заговорил он. Голос его, сиплый от подступающей к горлу крови, звучал тихо, а во взгляде сквозило ледяное, высокомерное равнодушие.

Пэй Чан вскинул голову и посмотрел ему прямо в глаза.

— Он не должен был вставать на пути у наследника Семьи Пэй. Но даже при том, что он обычный червь, я был готов дать ему шанс совершить невозможное и выбиться в люди. Но он оказался слишком глуп.

Старейшина уставился на Пэй Чана. В это мгновение молодому человеку показалось, будто этот взгляд утянул его обратно — в беспросветное, тёмное прошлое.

— Я дал ему денег и велел убираться отсюда навсегда. С этим богатством он мог уехать в любую страну, где его никто не знает, и начать всё сначала. Или просто стать никчёмным бездельником, сорящим купюрами направо и налево. Я предоставил ему выбор.

— И вы искренне считаете это выбором? — Пэй Чан глубоко затянулся. Сизый дым окутал его лицо, скрывая промелькнувшие эмоции.

Мечты Цинь Ихэ были связаны с этим городом. Он сам, своими силами, поступил в лучший университет страны! С какой стати эти люди возомнили, что имеют право топтать его жизнь со своей высоты?

— По крайней мере, он жил бы куда лучше, чем сейчас, — старик в упор посмотрел на внука.

Рука Пэй Чана дрогнула, и горячий пепел осыпался на брючину, оставив серое пятнышко.

— Но он наотрез отказался уезжать. Видимо, ради своей чистой, смехотворной любви. Так или иначе, на него вышла Чэнь Сыцин.

Пэй Чан ледяным взглядом сверлил деда, упивающегося собственным превосходством и безразличием.

— Кхе-кхе-кхе... — Старейшина Пэй неторопливо вытер выступившую на губах кровь и с жестокой, холодной усмешкой добавил: — Чэнь Сыцин пообещала ему помочь. Пообещала, что вы будете вместе всегда.

Этот вкрадчивый, шелестящий голос ледяной иглой вонзился прямо в сердце Пэй Чана.

Он вспомнил.

Его ведь тогда заперли. Заставили стоять на коленях в кабинете, требуя признать вину, силой вбивая в голову мысль, что он не имеет права испытывать подобные дешёвые чувства.

Цинь Ихэ не мог его отыскать.

И решил, что тот пропал.

Оказывается, первым потерялся вовсе не Ихэ. Потерялся он сам!

Это он исчез из его жизни, а Ихэ отчаянно пытался его найти.

И, возможно... спасти.

— Вы обманули его! — хрипло выговорил Пэй Чан, глядя на деда взглядом, налившимся багровой яростью.

— Не я. Чэнь Сыцин, — старик снисходительно усмехнулся. — Как ни крути, само слово «мать» подкупает, внушает ложное чувство безопасности и милосердия. — Он вздохнул. — Кто бы мог подумать, что она умудрится использовать даже меня в своей игре.

При этих словах в лице старейшины Пэй не появилось и тени злости — напротив, в глазах промелькнула мимолётная гордость и одобрение.

Он посмотрел на Пэй Чана и с усмешкой добавил:

— Наверняка твой ненаглядный думал, что тебя бьют и мучают в каком-нибудь тёмном подвале. И пока он сходил с ума от тревоги, Чэнь Сыцин явилась к нему ангелом-спасителем.

Пэй Чан до боли сжал в пальцах окурок. Издевательский тон деда разжигал в его груди удушливый, слепой гнев.

— И даже когда Чэнь Сыцин его увезла, он, должно быть, только и мечтал вернуть тебя. Пытался узнать, всё ли с тобой в порядке, жил этой глупой надеждой и страхом за твою

жизнь...

Старейшина Пэй пренебрежительно махнул рукой, не зная, как точнее описать столь нелепые чувства, и коротко фыркнул.

Этому человеку никогда было не понять, насколько бесценно искреннее, преданное сердце юноши. Для него Цинь Ихэ оставался лишь жалким, ничтожным глупцом.

Каждое слово деда врезалось в душу Пэй Чана раскалённым клинком.

В то самое время, когда Цинь Ихэ терпел нечеловеческие пытки, отчаянно цепляясь за единственную мысль — увидеть его снова, сам Пэй Чан уверенно шёл в гору. Он блистал в высшем обществе, утопал в роскоши и шаг за шагом поднимался на вершину, становясь тем, перед кем все лебезили!

Все чаяния и надежды Цинь Ихэ сузились до размеров крошечного чердачного окна.

А он... он трусливо обманывал себя, малодушно веря, будто его возлюбленный просто взял деньги и уехал обустраивать сытую жизнь.

Внутренности Пэй Чана сжались в спазме. Резкая боль поползла до сердца, и к горлу подступил горячий, солоноватый вкус крови.

Он ведь даже не попытался его найти.

Вся его вина, весь его непростительный грех заключался в том, что он никогда, ни разу не попытался броситься на его поиски!

А ведь всего в каких-то пяти километрах отсюда человек ждал его. Всё это время!

Вернувшись на виллу, Пэй Чан без сил рухнул на колени прямо у порога.

Он был болен. На этот раз куда сильнее, чем когда-либо прежде.

— Цинь Ихэ...

В полузабытьи, терзаемый сильным жаром, он упрямо шептал это имя.

Он слабо потянулся рукой вверх, пытаясь нащупать пустоту, будто надеялся ухватиться хоть за что-нибудь.

— Цинь Ихэ... где ты?..

Силуэт, бережно подхвативший и прижавший Пэй Чана к себе, на секунду замер. Затем эта тень осторожно взяла его ладонь и приложила к собственной щеке.

— Цинь Ихэ, я найду тебя... — еле слышно пробормотал Пэй Чан.

Державшие его пальцы крепко сжались. Из горла существа с трудом вырвался тихий звук:

— Хм...

Этот хриплый, надтреснутый голос походил на шорох гнилой древесины — в нём не осталось и следа от прежнего, некогда звонкого и чистого юношеского голоса.

— Прости меня, Ихэ... — Сжавшись в комок, словно обиженный ребёнок, Пэй Чан страдальчески нахмурился и продолжал бредить.

Темные глаза, неотрывно следившие за ним, слегка сощурились — существо тихо, печально улыбнулось. Эта улыбка была нежной, как отражение молодого месяца в зеркальной глади ночного озера.

— Хм...

Оно прижало Пэй Чана ближе, укрывая в своих надёжных объятиях.

Этот полутёмный чердак стал для них тихой гаванью. Спрятавшись от всего мира, они крепко обнимали друг друга, делясь теплом в глухой, безмолвной темноте.

Очнувшись от кошмара, Пэй Чан уставился в пустоту невидящим взглядом. Он принялся беспорядочно шарить руками вокруг себя и вдруг, поддавшись панике, тихо заплакал:

— Цинь Ихэ... я ничего не вижу...

Его пальцев коснулась прохладная ладонь. Пэй Чан судорожно вцепился в неё, и его мечущееся сердце мгновенно успокоилось.

Он прижал эту холодную руку к своей щеке, осыпал быстрыми, ласковыми поцелуями, а затем спрятал её у себя на груди, прижимая к самому сердцу и не желая отпускать ни на миг.

Охваченный лихорадкой, Пэй Чан бредил, точно пьяный. Он потерял счёт времени и не понимал, где явь, а где сон.

— Я ничего не вижу, Ихэ... — прошептал он гнусавым от слёз голосом. Ему действительно было безумно страшно остаться в этой глухой слепоте.

Вторая рука ласково коснулась его пылающей щеки, смахивая задрожавшую на ресницах слезу.

Пэй Чан тихонько всхлипнул и потерся о прохладную кожу, словно ластящийся зверёк.

Поглаживавшие его пальцы на миг замерли. В густом полумраке нельзя было разглядеть лицо, скрытое растрепанными волосами, но в темноте отчётливо угадывался пристальный, горящий взгляд этих глаз.

Сейчас Пэй Чан казался уязвимым восемнадцатилетним мальчишкой.

Хотя в те годы он рос гордым, холодным и неприступным юношей, который никогда не жаловался и не умел просить о жалости. Единственный раз, когда он позволил себе смутиться, был день, когда они впервые взялись за руки — тогда его щёки залил яркий румянец.

Взгляд существа смягчился. Прохладные подушечки пальцев скользнули по его виску и нежно огладили мочку уха.

Пэй Чан тихонько вздохнул и доверчиво прижался к этой успокаивающей прохладе.

— Ихэ, я думал, что потерял тебя... — прошептал Пэй Чан.

Он переплёл свои пальцы с его ладонью, поднёс её к губам и преданно поцеловал.

— Но я обязательно тебя найду.

И от этих слов измученное, заледеневшее от одиночества сердце Цинь Ихэ окончательно оттаяло.

Ему безумно хотелось сжать Пэй Чана в объятиях, зацеловать и согреть, но стоило ему шевельнуться, как парень сам рванулся навстречу, мёртвой хваткой вцепившись в его плечи.

— Не уходи!

Эта внезапная болезнь будто стёрла границы времени, связав воедино прошлое и настоящее.

Сейчас не имело значения, сколько ему лет — двадцать восемь или восемнадцать. С него сорвали всю напускную броню, раскололи защитный панцирь, обнажив израненное, нежное нутро.

Вся его слабость, вся беззащитность предстали перед Цинь Ихэ без прикрас — порождая щемящую нежность к этому трогательному и потерянному существу.

Цинь Ихэ склонился ниже и прижался губами к его горячему лбу.

Пэй Чан послушно закрыл глаза. Его ресницы мелко подрагивали. Он продолжал сжимать чужую ладонь, перебирал жесткие пряди волос и всё никак не мог насытиться этой близостью: лънул ближе, целовал куда придётся, обнимал так крепко, словно боялся, что у него попытаются отобрать его сокровище.

Цинь Ихэ готов был отдать ему всё своё существо без остатка, раствориться, превратиться в лёгкое облако. Ему хотелось укрыть этого человека от всех невзгод, спрятать глубоко внутри себя, в самом тёплом и безопасном уголке своей души.

Он ласково потёрся о щеку Пэй Чана, затем достал две таблетки жаропонижающего и поднёс к его губам. Тот лениво лизнул их шершавым языком и тут же сморщился от едкой горечи, отвернув голову.

Глупый, милый Пэй Чан.

Его измученный, нежный Пэй Чан.

Пэй Чан, которого хотелось без остатка поглотить, растворить в себе.

Тихо, едва слышно вздохнув, Цинь Ихэ мягко надавил пальцами на его подбородок, приоткрывая рот. Пэй Чан послушно подчинился — решив, видимо, что его собираются поцеловать, он даже приоткрыл губы навстречу.

Из горла Ихэ вырвался тихий смешок, а в глубине его тёмных глаз вспыхнул опасный огонёк.

Аккуратно забрав таблетки губами, он приподнял лицо Пэй Чана и протолкнул их ему в рот глубоким поцелуем. Влажный язык проник глубоко, заставляя Пэй Чана на миг поперхнуться, но парень тут же жадно ответил на ласку, растворяясь в этом остром, дурманящем чувстве. Горькое лекарство превратилось в сладкий нектар.

Крошечная родинка на его кадыке дёрнулась — таблетки скользнули вниз. Пэй Чан тут же снова потянулся к чужим губам, будто изнывая от голода.

Цинь Ихэ обхватил его затылок, притягивая ближе — так, словно хотел сожрать целиком или, напротив, скормить себя без остатка. Он целовал его отчаянно, исступленно, сминая и терзая его губы.

В тишине комнаты раздавались лишь влажные, дразнящие звуки поцелуев и их рваное, горячее дыхание, от которого сладко щекотало в груди.

Устроившись на его коленях, Пэй Чан слегка отклонился назад и высоко закинул голову. В этой незащитной, ищущей ласки позе сквозила готовность полностью отдать себя на заклятие.

Цинь Ихэ бережно придерживал его хрупкое тело, словно бесценный нефрит.

Опустившись ниже, он принялся покрывать поцелуями его обнажённую шею.

— Пэй... Чан...

Связки, молчавшие долгие годы, отзывались режущей болью, будто по горлу прошлись лезвием.

Но это имя было для него осколком стекла в медовой глазури: пускай оно резало до крови, он готов был захлебнуться ею ради мимолётной сладости.

— Пэй... Чан...

— Пэй Чан...

Вглядываясь в его раздумавшиеся щёки, Цинь Ихэ уткнулся лбом в его макушку и крепко, до хруста сжал в объятиях.

За узким окошком чердака раскинулось бездонное ночное небо, усыпанное редкими звёздами.

В комнате воцарился долгожданный покой.

Они сидели, тесно прижавшись друг к другу, безмолвные и неразлучные.

Дыхание Пэй Чана постепенно выравнилось, лицо разгладилось, а измученное лихорадкой тело налилось приятной, согревающей тяжестью.

Стоит ему поправиться — и всё обязательно наладится.

<http://bllate.org/book/20309/2134600>